

О социальном предпринимательстве как этическом бизнесе нового времени: за рубежом и в России

Социальное действие соотносится по своему смыслу с поведением других субъектов и ориентировано на него, считал немецкий социолог и экономист Макс Вебер. Другими словами, действие становится социальным, когда в своём целеполагании затрагивает других людей или обусловлено их существованием, поведением.

Сейчас самое время перечитать классику: обозначенная Вебером мысль стала как никогда актуальна в свете признания кризиса идеологии потребления и пересмотра глобальной экономической концепции.

В странах ЕС решение общественно значимых проблем (в сфере образования, медпомощи, экологии и др.) теперь тесно связано с социальным предпринимательством.

Если до финансового кризиса такое явление, как социально ориентированный бизнес, или социальное предпринимательство, больше воспринималось как некая новая форма социальной ответственности, то в разгар рецессии к социальному предпринимательству стали всё чаще обращаться как к инструменту решения общественных проблем и ускорения восстановления экономики. На фоне растущей безработицы и, как следствие, роста расслоения доходов населения постепенно стала происходить перестройка рынков сбыта и их переориентация в соответствии с новыми запросами общества.

В частности, как один из аспектов социальной политики, социальное предпринимательство начали рассматривать в Евросоюзе. Груз соцпрограмм в прежнем объёме из-за кризиса для многих стран ЕС стал непосильным, и решение общественно значимых проблем (в сфере образования, медпомощи, экологии и др.) теперь тесно связано с социальным предпринимательством. В свете этих изменений стала трансформироваться и сама экономическая идеология: на первое место вышел социальный эффект от предпринимательской деятельности, а не традиционная для бизнеса чисто коммерческая эффективность, прибыль.

За последний год тема социального предпринимательства всё чаще стала звучать в среде международного и российского делового сообщества.

Само это явление достаточно новое не только в России, но и за рубежом. Отдельный номер посвятил этой тематике совсем недавно и «Бизнес России». Наша задача сейчас – внимательнее посмотреть на международный аспект проблемы и провести сравнение с актуальным положением дел в России, по мере того как в сентябре наступает «вторая половина» делового года.

Понятно, что проекты в этой области призваны решать или сглаживать социально значимые проблемы населения, и зачастую те, с которыми не успевает справиться государство. Основные отрасли, в которых работают социальные предприниматели, – детское и начальное образование, медицинская помощь, социальная реабилитация и трудоустройство социально уязвимых слоёв населения, сохранение и возрождение культурного наследия и др.

При этом социально ориентированные компании, производя общественно значимые продукты и оказывая услуги, всё же стремятся выйти на безубыточность, обрести финансовую независимость и приносить прибыль, что также вполне приветствуется самой

концепцией социального предпринимательства. Напомним, что это всё же бизнес, а не благотворительность. Хотя, надо признать, общепризнанных и совершенно чётких критериев, согласно которым бизнес обретает социальную направленность, пока что не существует. В отличие от направления корпоративной социальной ответственности, предполагающей сегодня наличие и следование детально разработанным стандартам GRI и AA1000, включая наличие принципов и практик аудита корпоративной социальной ответственности, осуществляемого компаниями «большой четвёрки».

В контексте всемирной истории отдельным направлением бизнеса социальное предпринимательство стало лишь в 1980-х гг.

Более 30 лет назад предприниматель Уильям Дрейтон создал некоммерческую организацию Ashoka: Innovators for the Public («Ашока: инноваторы для общества»), которая на сегодняшний день работает в 70 странах, поддерживая более 3 тыс. стипендиатов в области социального бизнеса. Ashoka оказывает им финансовую, юридическую, консалтинговую помощь, помогает создавать специальные сообщества и инфраструктуру, нужную для развития социального сектора. В России, правда, пока регионального центра у фонда нет.

Более 30 лет назад предприниматель Уильям Дрейтон создал некоммерческую организацию Ashoka: Innovators for the Public («Ашока: инноваторы для общества»), которая на сегодняшний день работает в 70 странах, поддерживая более 3 тыс. стипендиатов в области социального бизнеса.

Одним из основоположников социального бизнеса является и лауреат Нобелевской премии мира, профессор экономики Мухаммад Юнус. В 1983 г., спустя 3 года после появления фонда Ashoka, он основал в Бангладеш Grameen Bank. «Сельский банк», а именно так переводится название этой организации, стал первым в мире, специализирующимся на выдаче микрокредитов обыкновенным крестьянам. Grameen Bank сотрудничает с целым рядом организаций в России в сфере развития социального бизнеса.

В России социальное предпринимательство появилось чуть менее 10 лет назад. Это направление бизнеса получило своё развитие в стране благодаря инициативе создателя российской нефтяной компании «Лукойл» **Вагита Алекперова**, который в 2007 г. основал фонд поддержки и развития социального предпринимательства «Наше будущее». К сегодняшнему дню крупнейший в этой области фонд профинансировал 91 проект социальных предпринимателей в 38 регионах на общую сумму около 190 млн руб. Фонд, несомненно, выступил пионером в развитии этого направления в России. Можно предположить, что способствовал этому и уникальный советский опыт В.Ю. Алекперова, работавшего заместителем Министра нефтяной и газовой промышленности СССР. Как известно, крупные предприятия в советском государстве осуществляли масштабную поддержку социальной инфраструктуры: поликлиники, детские сады, дворцы культуры. Символично, что именно Вагит Алекперов выступил в новой России в роли инноватора, соединившего лучшее из практики капиталистического бизнеса и социалистической системы, – тот самый социальный капитализм, к которому, согласно дискуссиям ряда высокопоставленных экономистов сегодняшнего дня, возможно, движется мир в целом как к новой модели экономического развития.

В последнее время деятельность социально направленных компаний активно обсуждается в российском правительстве, ожидается даже принятие отдельного закона. Но, как это часто бывает с формирующимися направлениями бизнеса, у социального

предпринимательства в России в целом пока нет внятной стратегии развития и даже официального определения.

В Минэкономразвития это явление понимают как «социально ответственная деятельность субъектов малого предпринимательства, реализующих проекты для решения социальных проблем».

Предпринимательская деятельность с социальным уклоном имеет огромный потенциал в России. По мнению экспертов, уже сейчас в стране довольно много бизнесменов, которые что-то делают в сфере социального предпринимательства, только не знают, что они социальные. А по оценкам Агентства стратегических инициатив (АСИ), на сегодняшний день в РФ социальных бизнесменов не более 1% от общего количества.

Однако вскоре их количество может существенно возрасти. Осенью этого года Госдума планирует внести поправки в законодательство о развитии малого и среднего предпринимательства. В частности, прописать определение того, что считать «социальным предпринимательством», и обозначить меры господдержки этой отрасли.

Одним из основоположников социального бизнеса является лауреат Нобелевской премии мира, профессор экономики Мухаммад Юнус. В 1983 г. он основал в Бангладеш Grameen Bank.

«Сельский банк», а именно так переводится название этой организации, стал первым в мире, специализирующимся на выдаче микрокредитов обыкновенным крестьянам.

Законодательные инициативы в этом отношении исходят и от российского бизнеса. В частности, всё тот же фонд «Наше будущее» поддерживает законодательные инициативы, направленные на разработку мер поддержки социального предпринимательства.

Пока что отсутствие закона о социальном предпринимательстве приравнивает деятельность работающих в этой сфере компаний к традиционному бизнесу, хотя возможности и запросы у них разные.

Стоит надеяться, что утверждение своего статуса на законодательном уровне позволит социальным предпринимателям получить определённые налоговые послабления, помощь на рынке товаров и услуг, возможность социальной аренды, когда муниципальные или бюджетные организации предоставляют помещения по льготным ставкам.

В отличие от России в Великобритании закон о социальном предпринимательстве был принят в 2005 г. Только за первые 2 года с момента его вступления в силу создано более 1 тыс. социально ориентированных предприятий. Согласно одной из наивысших оценок (член Парламента от консерваторов баронесса Байфорд), в 2012 г. в стране их работало более 62 тыс., а совокупный валовой доход от их деятельности в экономику страны составил 24 млрд ф.ст.

В законодательстве была прописана особая форма компаний для работы в сфере социального бизнеса – Community Interest Company. По сути, это частные компании с ограниченной ответственностью (так называемые Private Limited Company), но обладающие рядом особенностей, которые определяют их деятельность в интересах общества.

Помимо благоприятных условий для производства товаров и услуг, были также созданы возможности для успешного вывода их на рынок. В частности, товары обрели особый знак, отличающий социально значимую продукцию от коммерческой.

Кстати, в России такой знак тоже есть. Первые лицензионные договоры на использование маркировки «Продукция социального предпринимательства» фонд «Наше будущее» заключил с 75 социальными предпринимателями в начале 2013 г.

Однако продукция социального предпринимательства в РФ пока не получила столь массового распространения, как в той же Великобритании, где в настоящий момент в отдельных городах её продажи достигают порядка 20% от общих продаж.

Крупные предприятия в советском государстве осуществляли масштабную поддержку социальной инфраструктуры.

Столь заметные успехи Великобритании в области развития социального предпринимательства связаны с тем, что этим направлением всерьёз заинтересовано высшее руководство страны. Так, в преддверии саммита «Большой восьмёрки» (G8), который проходил под председательством Великобритании, состоялась Конференция по социально значимым инвестициям. На ней премьер-министр страны Дэвид Кэмерон объявил о создании социальной фондовой биржи (Social Stock Exchange, SSE). Ссылаясь на прогнозы JPMorgan, он заявил, что в настоящее время глобальный рынок социально значимых инвестиций можно оценить в 9 млрд долл., а в ближайшее десятилетие он вырастет до 200–650 млрд долл. Это уже заметная заявка на участие в будущей экономической картине мира.

Ожидается, что существенный вклад в рост сектора внесут США. По некоторым данным на 2012 г., доход социально ориентированных компаний в стране составлял 500 млн долл. (или 3,5% от общего ВВП страны), а в этой сфере были заняты более 10 млн человек.

Стоит надеяться, что с принятием законодательных норм, регулирующих социальное предпринимательство в России, этот вид деятельности также принесёт ощутимые дивиденды экономике страны. Так, по оценкам АСИ, объём рынка социальных услуг к 2020 г. вырастет до 15 трлн руб., т.е. до 2% ВВП.

Возможно, эти прогнозы правдивы, поскольку общественный запрос на социально значимые товары и услуги существует. Согласно опросу фонда «Наше будущее», 56% респондентов скорее обрадовались бы появлению рядом с обычными коммерческими товарами продукции социальных предпринимателей. 85% опрошенных готовы поменять обычно приобретаемую ими продукцию на товары социального предпринимательства с аналогичными свойствами и качеством. Важно лишь убедить покупателей приобрести продукцию в первый раз и убедиться в её качестве. 60% респондентов готовы переплачивать за социальный товар, аналогичный по качеству коммерческому.

Таким образом, можно говорить о том, что потенциал формирования рынка товаров и услуг социального бизнеса в России весьма неплохой.

Но возможно ли в современных российских реалиях сочетать производство социально значимой продукции и экономическую устойчивость предприятия?

Пока на пути к реализации социально ориентированных проектов много препятствий. И помимо отсутствия законодательной базы, регулирующей это направление бизнеса, на повестке дня извечный вопрос поиска средств.

Как весьма точно отмечал Вагит Алекперов, социальные предприниматели представляют собой «пограничную зону бизнеса» и не могут рассчитывать на большие прибыли. Как же им, часто работающим на грани рентабельности, получать финансирование?

Как весьма точно отмечал Вагит Алекперов, социальные предприниматели представляют собой «пограничную зону бизнеса» и не могут рассчитывать на большие прибыли. Как же им, часто работающим на грани рентабельности, получать финансирование?

Не секрет, что кризис подорвал доверие между банками и заёмщиками, многие из которых старались в тяжёлый период разными путями избежать возврата долгов. Но социальное предпринимательство – особое направление. Показательным в этом смысле примером можно считать упомянутый Grameen Bank, который выдаёт кредиты без обеспечения и поручительства, однако их возвратность доходит до 98% – немало российских банков может этому позавидовать.

Одним из показательных примеров в области предоставления займов социальным предпринимателям также является Deutsche Bank. В феврале этого года фонд социально значимых инвестиций этого банка инвестировал 2 млн ф.ст. из запланированных 10 млн в пользу социально ориентированных компаний в Великобритании. С 1997 г. банк направил более 261 млн долл. в финансовые организации в 130 странах, осуществляющие микрофинансирование, и таким образом 3,2 млн социальных предпринимателей получили микрокредиты.

Впрочем, такому новому направлению, как социальное предпринимательство, необходимы неординарные финансовые инструменты.

Инновационный подход к привлечению средств в такого рода проекты уже опробован, и, конечно, британцами. В 2010 г. они создали финансовый инструмент под названием Social Impact Bond (SIB) (можно перевести как «Социально значимые облигации» или так называемые «Социальные облигации») в сфере уголовного правосудия, напрямую связав доходы по ценной бумаге с достижениями в области решения общественных проблем. В рамках испытательной программы в одном из регионов Великобритании были выпущены облигации, доходность по которым рассчитывается в зависимости от успехов в снижении уровня рецидива.

По схеме, разработанной для SIB, частный инвестор вкладывает средства в социальный проект, и, если тот оказывается успешным, то затраты вкладчику компенсируются со стороны государства. Инвестор также может рассчитывать на получение бонуса.

В России пока таких экспериментов ожидать не приходится. Но в АСИ считают, что в стране должны начать действовать фонды социального бизнеса с особым механизмом софинансирования, льготных займов.

Особую схему финансирования проектов уже практикует фонд «Наше будущее». По итогам конкурса проектов «Социальный предприниматель» организация предоставляет победителям долгосрочные беспроцентные целевые займы размером до 10 млн руб.

Также намерен предоставлять кредиты на льготных условиях банк «Уралсиб». Банк подписал соглашение о сотрудничестве в области поддержки социального предпринимательства с организацией «ОПОРА России», по которому планируется совместная программа поддержки с помощью грантового финансирования, льготного кредитования по ставке, близкой к ставке рефинансирования, а также бесплатного обучения и консультаций со специалистами по юридическим и финансовым вопросам.

Особую схему финансирования проектов практикует фонд «Наше будущее». По итогам конкурса проектов «Социальный предприниматель» организация предоставляет победителям долгосрочные беспроцентные целевые займы размером до 10 млн руб.

«Наше будущее» в отличие от Уралсиба представляет собой фонд социальных инвестиций – т.е., помимо предоставления беспроцентных целевых займов, фонд в состоянии выступать инвестором в избранные проекты на определённых условиях. Интересно, что даже название фонда переводится на английский как Our Future Fund с использованием термина Fund, означающего зачастую инвестиционный фонд. В то время как фонды, ориентированные исключительно на благотворительность, традиционно носят в англоязычном деловом мире наименование Foundation. Конечно, находить соответствующие критериям фонда социальные инвестиционные проекты чрезвычайно сложно. Это проблема почти всех фондов прямых инвестиций. Для западных фондов, например имеющих дело с российской экономикой, в особенности. Неслучайно один из крупнейших и наиболее успешных в мире фондов прямых инвестиций Carlyle до сих пор не ведёт свою деятельность в России.

Впрочем, пока социальная отрасль в России остаётся в большей степени вотчиной государства. Так, в июне этого года представители Минэкономразвития заявляли, что на поддержку социального предпринимательства в текущем году из федерального бюджета будет выделено около 500 млн руб.

Возможно, оптимальным выходом для привлечения в отрасль частных инвесторов станет схема государственно-частного партнёрства в социальной сфере. Это один из вопросов, который запланирован к обсуждению на международной конференции по вопросам поддержки и развития социального предпринимательства «Социальные инновации», намеченной на октябрь 2013 г. Это первая конференция такого рода в России.

Сейчас всё только начинается, и станет ли социальная ориентированность основой для новой экономической идеологии, будет ли она эффективной терапией для общества, думаю, прояснится в ближайшие годы. Но то, что на мировом уровне и весьма серьёзно обсуждается этот вопрос, даёт надежду на то, что социальное предпринимательство реально может стать одним из ключевых механизмов в решении глобальных экономических проблем.

А напоследок уместно будет вспомнить высказывание швейцарского экономиста, основателя Всемирного экономического форума в Давосе Клауса Шваба. В прошлом году в рамках ВЭФ он заявил, что до сих пор верит в свободные рынки, однако они должны служить на благо обществу.

[Алексей Кондратьев](#),

*управляющий директор
ИК «Промышленные инвестиционные решения», к.ю.н.*

